

НИКОЛАЙ ГЕВОРГЯН

УНИКАЛЬНАЯ РУКОПИСЬ «ХУМАЙУН-НАМЕ» В МАТЕНАДАРАНЕ

Среди персидских рукописей в собрании Матенадарана одна под номером 561 привлекает внимание архаичностью палеографических данных. Заслуга первооткрывателя этой рукописи принадлежит А. Д. Папазяну, который впервые ввел ее в научный обиход, сделав о ней доклад на I Конференции советских востоковедов в Ташкенте¹, а в 1958 году рукопись упоминалась в его статье в «Вестнике Матенадарана»².

Рукопись зарегистрирована в рукописном каталоге под названием همایون نامه (Царственная книга), она не полная: отсутствует конец. Автор сочинения не известен, по содержанию оно представляет собой историческое повествование в стихах метром мутакариб с парнорифмующимися строками (маснави). Настоящая рукопись содержит не все сочинение, судя по фихристу в главе, посвященной построению сочинения, поэма имела довольно обширное продолжение, которое, вероятно, не дошло до нас. Кроме жизнеописания пророка Мухаммада, из которого состоит наша рукопись, сочинение включало еще рассказ о четырех праведных халифах (Абу-Бакр, 'Умар, 'Усман, 'Али), Хасане и Хусайне, историю династии Омейядов (Марванидов), Аббасидов (от Саффаха до последнего халифа Мустасима), повествование о доисламских иранских царях от Кайумарса до Иездигерда, затем под рубрикой شاهان اسلام (Мусульманские шахи) следуют правители Дейлема, Буиды, Саманиды, Газневиды, (Сабуктагин, Махмуд и Мас 'уд), Сельджукиды (Чагры, Тугрул, Алп 'Арслан), Ильдигизиды (Ильдигиз, Мухаммад Джахан-Пахлаван и Кызыл 'Арслан), Зангиды (Абу-Бакр Занги), Мухаммад Хорезмшах, Чингиз-хан, история племени татар, извлеченная из труда Ала ад-дина Ата-Малика Джувайни «Та 'рих-и джахангушай»³.

Сочинение начинается небольшим вступлением:

سر خامه چو گیرد از مشک رنگ بقرطاس یازد خردمند جنگ

Когда острие пера окрашивается в цвет мускуса (т. е. черный цвет),
Мудрец прибегает к сражению на бумаге, (л. 16)

¹ А. Д. Папазян, Историческая ценность персидских рукописей Государственного Матенадарана в сборнике: Материалы I Всесоюзной конференции советских востоковедов, Ташкент, 1958.

² А. Д. Папазян, Исторические сочинения среди персидских рукописей Матенадарана, — Вестник Матенадарана, 1958, № 4, с. 225.

³ В тексте название сочинения фигурирует в форме «Та 'рих-и кишваргушай».

и закачивается рассказом о похоронах пророка Мухаммада. Повествование обрывается на главе, посвященной Шамс ад-дину Джувайни, словами:

بدینى و عقبى چو کردم شمار نباشند جز راستان رسته گار
От суда и возмездия в загробном мире, как я определил,
Не будут избавлены (никто) кроме праведников (л. 249б)

Сочинение посвящено семье Джувайни, о чем свидетельствуют двенадцать глав, заключающих в себе восхваление братьев Джувайни Шамс ад-дина Мухаммада бин Мухаммада, Ала ад-дина Ата-Малика и сыновей Шамс ад-дина.

Об этой семье, давшей несколько поколений крупных чиновников монгольской державы в Иране, мы располагаем достаточными данными. Отец братьев Джувайни Баха ад-дин Мухаммад бин Мухаммад был принят на монгольскую службу полководцем Кюль-Булатом и в течение последующих нескольких десятилетий занимал пост министра финансов (сахиб-диван) Хорасана. Умер в 651/1253 году в Исфахане. Два его сына подвизались в правление основателя династии Ильханов в Иране Хулагу хана (1256—1265) и вплоть до своей смерти занимали самые высокие посты в государстве Ильханов.

При жизни обоим братьям, которые являлись покровителями и большими ценителями науки, литературы и искусств, было посвящено значительное количество произведений, написанных современниками, но среди них нигде не значится «Хумайун-наме»⁴.

Личность автора не удалось установить, однако, в главах, посвященных членам семьи Джувайни, обнаруживаются некоторые автобиографические сведения о поэте. В частности, в главе, посвященной одному из старших сыновей Шамс ад-дина, Шараф ад-дину Харуну, автор говорит, что был панегиристом деда Харуна, т. е. Баха ад-дина Мухаммада, не скрывая, что обладал большим мастерством поэта:

چو مداح جد شما بوده است از قمر گوی بر بوده است
...Когда был панегиристом вашего деда,
В поэзии у луны добился первенства. (л. 5а)

Неоднократно поэт упоминает о своей старости:

جو انبختى اى شاه دانش پذیر نظر کن زمانى درین مرد پیر
...Счастливым ты, о, шах, стремящийся к знаниям,

Взгляни-ка ты на этого старика. (л. 5а)

مرا گفت اى پیر خسته روان دلی نرم داری و طبعی جوان
...Сказал он мне: О, старец, уставший душой,
Сердце твое мягко и нрав юноши (у тебя). (л. 3б)

Однако несмотря на старость поэт видит свое благополучие в служении Шамс ад-дину Джувайни:

⁴ Islam ansiklopedisi, Istanbul 1963, c. III, s 249—259.

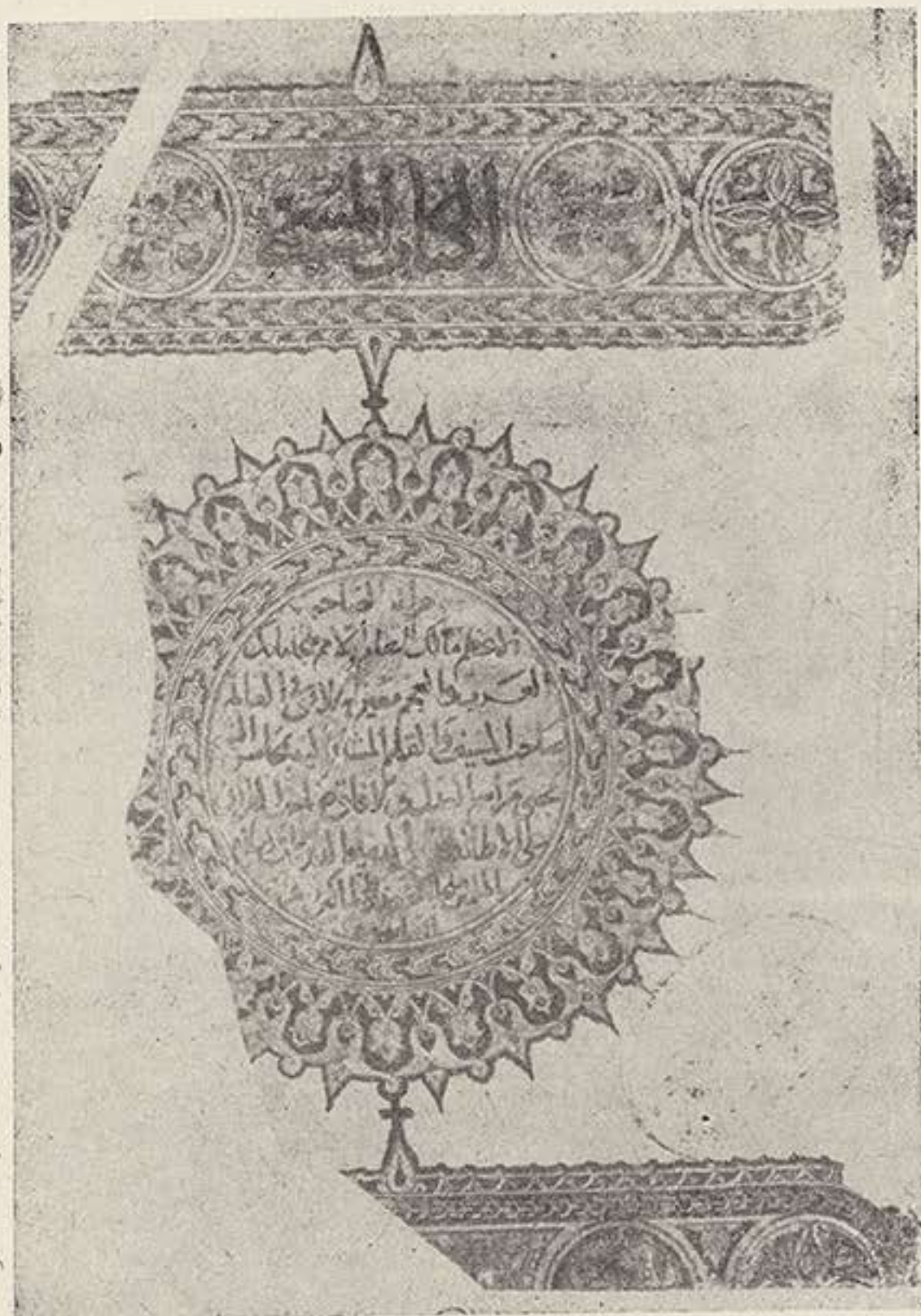

Рис. 1.

<p>دوای دل نانو آن منسنت جوانبخت ازو میشود مرد پیر*</p>	<p>محمد جوینی که جان منسنت بدو زنده ام همچو طفل بشیر</p>
<p>...Мухаммад Джувайни—душа моя, Лекарство моего немоющего сердца. Им живу я, как дитя молоком, Счастливым от него станет старик (л. 2156)</p>	

* Метр нарушен.

Поэт служил в диване (финансовом ведомстве) Шамс ад-дина и одновременно был его придворным панегиристом:

عطار د چومن ثناخوان او ست غلام د پير ان ديوان او ست
 ...Меркурий, подобно мне, его (Шамс ад-дина) панегирист,
 (И подобно мне) раб писцов его дивана. (л. 4а)

ثناخوان ان نامدار ان منم بر اين گشت ها ابر بار ان منم
 ...Панегирист тех прославленных—я,
 Туча дождевая над этими посевами—я. (л. 5б)

Рис. 2.

Как было отмечено выше, свой труд поэт посвятил семье Джувайни, в частности Шамс ад-дину. Об этом свидетельствует большинство глав с восхвалениями Шамс ад-дину (восемь глав из двенадцати), и, как видно из текста, поэт возлагал большие надежды на свое произведение, при-

чем в двух отрывках, приводимых ниже, поэт сравнивает создание своего труда с изготовлением ткани с красочной каймой:

.....⁵
 من این نامه بر نام او ساختم [.]
 Я эту книгу создал во славу его (т. е. Шамс ад-дина) (л. 16а)
 از این نامه من جامه بافتم ز جان و خرد تار او ساختم
 برو کردم از نام صاحب طراز باومید⁶ آن تا شوم سرفراز
 ...Из этой книги я соткал ткань,
 Из души и разума свил ее нить.
 Украсил ее каймой из имени господина (т. е. Шамс ад-дина)
 С той надеждой, что буду осчастливлен. (л. 215б)

بوقتیکه این جامه میبافتم بجان رشته شعر میبافتم
 طرازش ز نام شما ساختم چو گردن بگردون برافرختم
 باقبال صاحب قرآن شمس الدین ببخت توای صاحب بی قرین
 محمد جوینی که درجوی جان ازو میشود آب دانش روان
 ...В то время, когда я ткал эту ткань,
 В душе свивал нить стихов.
 Кайму украсил я вашим именем,
 В связи с тем, что гордился своей судьбой.
 (Это сделал) во имя успеха обладателя счастливого сочетания звезд Шамс ад-дина,
 На счастье тебе, о, несравненный господин.
 Мухаммад Джувайни тот, от которого в ручье души,
 Вода знаний становится текущей. (л. 4б)

Поэту много пришлось потрудиться над книгой, но в результате он доволен своим трудом:

در این نامه بسیار بر دیم رنج ز اندیشه بر هم نهادیم گنج
 نه گنجی که باشد مقمش خراب ازو مرد دانا بود کامیاب
 ...В эту книгу много мы вложили труда,
 Клад мысли сокрыли мы (в ней).
 Не тот клад, что имеет основу порочную,
 (А тот), от которого мудрец достигает (своих) желаний (л. 4б)

ز نثر [. . .] بنظم آرامش پس آنکه بفرزانه بسپارمش
 کتابست پاکیزه پرداخته زر ای خود این داستان ساخته
 در او نیست یک نکته بالا و زیر نگردد ازو مرد خواننده سیر
 ...С прозы (...) переложил ее на стихи.
 Затем вернул ее мудрецу (т. е. Шамс ад-дину).

⁵ Текст дефектный, нечитаемые места заменены многоточием в скобках.

⁶ Звук (y) в слове امید удлинен посредством буквы vav для сохранения метра стиха.

Книга завершена безукоризненно,
По своей воле создан (мною) этот дастан.
В ней нет ни одной превратной мысли,
Не насытится человек, читающий ее. (л. 56)

Для того, чтобы понять смысл строки «С прозы (...) переложил ее на стихи» обратимся к началу сочинения, где автор повествует об истории и причине создания своего поэтического труда:

خیال یکی شخص دیدم بخواب دلی نرم داری و طبعی جوان کتابی بنظم آرای نامدار بنیکی کراید سرا انجام تو زیستی رود نام تو بر فراز بیان کن بزودی پر از بوی و رنگ بمن بخت فرخنده بنمود چهر غم و غصه شد از دلم ناپدید برفتم بشستم سر و تن باب و یا آنک پیش آمدم دیو بود ناگاه شخصی در آمد ز در وز آن مرهم زخم ریشم نهاد ز صد گونه صدق و صفا یافتم بنظم آرم این نامه نازنین	شبی خفته بودم پر از درد و تاب مرا گفت ای پیر خسته روان سخن را نهفته بدل در مدار بماند از آن در جهان نام تو بدین و عقبی شوی سرفراز چنین کارها بر نتابد در رنگ ز گفتار آن پیکر همچو مهر نشاطی مرا در دل آمد پدید چو بیدار گشتم سحر گه ز خواب [.] این خواب گوی فرشته نمود در این فکر بودم ز خود بیخبر کتابی در آورد و پیشم نهاد [. . .] قصه مصطفی یافتم کتابست تعبیر خوابم یقین
--	---

...Как-то ночью спал я, полон муки и боли,
(И) чей-то призрак явился мне во сне.
Сказал он мне: О, старец, уставший душой,
Сердце твое мягко и нрав юноши (у тебя).
Не держи слова, сокрытым в сердце.
Сложи в стихах знатную книгу.
Ею славу о себе оставишь в мире.
(И) в благе завершишь дни свои.
В благочестии своем удостоишься загробного мира,
С самого низа вознесется твоя слава.
Подобные дела не терпят промедления,
Поведай же скорей все подробно.
От слов того солнцеподобного образом
Благосклонная судьба повернулась ко мне лицом.
Радость проникла мне в сердце,
Тоюка и печаль исчезли из моего сердца.

На рассвете, как пробудился я ото сна,
Пошел умыл голову и тело водой.

(...) этот сон словно ангельское наваждение,
А может меня судьба (светла) с дивом?
Не ведая ни о чем, был я в этих мыслях,
Как вдруг некто вошел в дверь.

рис. 3

Принес он книгу и положил предо мной,
Тем самым положил бальзам на мою рану (сомнений).

(...) рассказ об избраннике (т. е. пророке Мухаммаде) нашел,
 Сотни проявлений правдивости и святости нашел.
 Эта книга, воистину, толкование моего сна,
 На стихи переложу я этот дивный рассказ. (л. 3б)

В главе, повествующей о начале летосчисления по хиджре (л. 82а), автор сочинения упоминает одну дату в следующем контексте:

کنون گر تو تاریخ یاد آوری مه و سال وین روزها بشماری
 ز ششصد نویسد و از شصت و هفت که چند آمد ز سال و مه چند رفت
 ...Если ты сейчас дату упомянешь,
 Исчислишь месяц, год и эти дни.
 От шестисот, записанных тобой, и шестидесяти семи,
 (Узнаешь) сколько стало годов и сколько прошло месяцев.

667 год хиджры (1268—69 г. н. э.), по всей вероятности, является годом написания данной главы. Одновременно это было временем, когда оба брата находились в зените своей славы: Шамс ад-дин в 661 (1262—63) году был назначен министром финансов (сахиб-диван)⁷ монгольской державы в Иране, в том же 661 году Ата-Малик стал наместником Багдада (малик-и Багдад) и эту должность занимал с некоторыми перерывами вплоть до своей смерти, последовавшей 4 зул-хиджи 681/6 марта 1283 года⁸.

Исходя из этой даты (667) можно заключить, что сочинение писалось в то время, когда Ата-Малик уже был наместником Багдада. Об этом свидетельствуют следующие строки:

از اینجا ببغداد خواهم شدن بدان شهر آباد خواهم شدن
 چون نزدیک آن کاخ و ایوان شوم بدرگاه صاحب ثناخوان شوم
 بهر جای یزدان نگه دار اوست عطا نام او و کرم کار اوست
 ...Отсюда я отправляюсь в Багдад,
 В тот благоустроенный город отправляюсь я.
 Как приближусь к тому дворцу и айвану,
 Стану панегиристом господина.
 Везде господь его хранитель,
 Ата имя ему и великодушны деяния его. (л. 4а)

В той же главе, немного ниже, Ата-Малик упомянут как автор известной истории монголов «Та'рих-и джахангушай» (История мирозавоевателя), которая благодаря своему изысканному стилю повествования являлась недостижимым образцом для современников⁹.

جهانرا تو ای صاحب پاك رای گرفتی بتاریخ کشور گشای

⁷ В. В. Бартольд, Соч., М., 1973, т. VII, с. 496.

⁸ Там же, т. VIII, с. 591.

⁹ Там же, т. VIII, с. 593.

...Вселенную ты, о, добродетельный господин,
Охватил в (своей) «Истории мирозавоевателя». (л. 46)

О времени завершения труда, вернее имеющейся у нас части сочинения, свидетельствуют следующие строки на л. 2496

دوشنبد شد این نظم زیبا تمام	دوشنبد رسم زین حکایت بکام
بماه محرم فرخنده فال	[.]
بو قتی که بر دم در این نامه رنج	ز ششصد فزون بود هفتاد و پنج

В понедельник завершились эти прекрасные стихи,
В понедельник, благодаря этому рассказу достигну
желаемого

В месяц мухаррам, со счастливым предзнаменованием

В то время, когда я трудился над этой книгой,
Шестьсот увеличилось на семьдесят пять.

(мухаррам 675=июнь—июль 1276 г.)

После упоминания первой даты ко времени завершения этой части сочинения прошло почти восемь лет. Поэт все больше сетует на свою старость:

بیفتاد سر و روانم زیبای	فر و مرد شمع مرادم بجای
بهار جوانی بیژمرد و رفت	چراغ نشاطم فر و مرد و رفت
نماندست در دست و در پای ز فر	نیرو رفت نامید و در گشت هور

...Выбилась голова и душа моя из сил.

Угасла на месте свеча моего стремления,

Увяла и прошла весна молодости,

Светильник радости погас и пропал,

Не осталось в руках и ногах силы.

Сила безнадежно угасла и закатилось солнце. (л. 2496)

Во всех главах, посвященных братьям Джувайни (главы на лл. 36, 16а, 50а, 81б, 129а, 204а, 215б, 249б—Шамс ад-дину; на лл. 4а и 233б—Ата-Малику), обращение поэта довольно традиционно, т. е. перегружено славословием, но в то же время не лишено необходимых сведений, помогающих уточнить титулатуры и характеризующих братьев как меценатов и покровителей поэтов и ученых:

. . . بنار در القاب او آفتاب

...Гордится солнце, (находясь) в его титулах. (л. 36)

Аفتاب персидский эквивалент арабского слова شمس в сочетании شمس الدین (Солнце веры) в титуле Шамс ад-дина;

. . . در القاب او عین عزیز و علاست

...В титулах его—знатность, могущество и величине. (л. 4а)

В сочетании علا الدین (Величие веры) в титуле Ата-Малика;

... ز القاب او ملك و دين را شرف

...От титулов его—царству и вере слава.

В сочетании *شرف الدين* (Слава веры) в титуле Шараф ад-дина Харуна. В нижеследующих строках поэт перечисляет добродетели Шамс ад-дина:

خداوند دين و خداوند داد	که چون او ندارد زمانه بياد
[.]	بعلم و هنر خلق را رهنمای
محمدجوینى که جویای اوست	هر آنکس کى از عقل شد علم دوست
بايام او خاک راه گشت مشک	گل تر پديد آمد از خار خشک
شد از عدل اين صاحب کامکار	همه چهار فصل زمانه بهار

...Владыка благочестия и справедливости,
Подобных ему даже не помнит судьба.

[.]

В науке и искусстве (он)—путеводитель людям.

Мухаммад Джувайни (тот), к которому стремится
Каждый, кто по уму своему любит науку.

В дни его дорожный прах превратился в мускус,
Роза расцвела на сухой колючке.

Справедливостью этого удачливого господина,
Все четыре времени года стали весной. (л. 4а)

В главах, посвященных сыновьям Шамс ад-дина, перечислены поименно шесть сыновей¹⁰: Харун, Яхья, Малик Садр ад-дин, Навруз, Мас'уд и Атабек. Из них имя третьего сына не совпадает с известными данными, где вместо Малика Садр ад-дина фигурирует Фарадж ул-лах¹¹. Старшему сыну—Харуну посвящена отдельная глава; это объясняется тем, что ко времени написания сочинения он был назначен наместником Анатолии и уже представлял из себя заметную личность¹².

چو هارون بیفداد سازد مقام از آنجا شود حاکم روم و شام

...Когда Харун укрепитя на должности в Багдаде,

Оттуда отправится правителем Рума и Сирии. (л. 4б).

بدر گاهش از روم باج آورند زهند و ستانش خراج آورند

از آنشش پسر آن چشم بد بدور باد چراغ دل جمله پر نور باد¹⁰

Да сгинет дурной глаз от тех шести сыновей,

Светильник (их) сердца всегда да будет полон света (л5б).

¹¹ Islam ansiklopedisi. Istanbul, 1963, c. III, s. 257.

...К его порогу привозят дань с Рума,
Из Индии ему харадж доставляют. (л. 5а)

На л. 1а (рис. 1) расположены два прямоугольных по форме картуша, а между ними—эклибрис в виде круглого медальона. В верхнем картуше надпись почерком сулс: *الكتاب المسمی* (Книга, именуемая...), нижний картуш почти весь срезан при реставрации рукописи в XIX в.,

Рис. 4

и надпись, которая являлась логическим продолжением первой, не читается. В центре эклибриса на золотом поле имеется запись темными чернилами почерком сулс, представляющая собой полный титул владельца рукописи:

برسم خزانه الصاحب الاعظم مالك رقاب الامم ملجأ ملوك العرب
و العجم معين الخلايق فى العالم صاحب السيف و القلم المشار
اليه بمحاسين الشيم مجبى مراسم العدل فى الافاق صاحب قران
على الاطلاق شمس الدنيا و الدين غياث الاسلام و المسلمين ملجأ
الضعفا و المساكين عز الله نصره

«По заказу сокровищницы Величайшего Государя, неограниченного властелина народов, прибежища царей арабов и неарабов, помогающего народам во вселенной, обладателя меча и пера, его, обладающего качествами добродетели, внимающего правилам справедливости на всем свете, обладателя абсолютно-благоприятного сочетания созвездий, Солнца мира и религии, опоры ислама и мусульман, прибежища слабых и убогих, да приумножит Аллах помощь ему».

Этот пространный титул представляет собой один из ценных источников датировки рукописи, поэтому необходимо подробно остановиться на нем.

В результате изучения памятников материальной культуры мусульманского Востока установлено, что формула подписи заказчика со словом *برسم* (по приказу, по заказу) встречается на иранских изделиях с XIII по XIV в. и полностью исчезает в XV в.¹³

Слово *رقاب* (рабы) позже черной тушью переделано в *العام* (простой люд) и добавлен союз *—و—*, но первоначальное слово хорошо просматривается и легко восстанавлимо, кроме того сочетание *مالك رقاب* (неограниченный властелин народов) более традиционно для XIII часто встречается в титулах правителей находившихся в вассальной зависимости от монголов¹⁴.

Слово *ملوك* (цари) также обведено тушью, причем правильная по смыслу форма множественного числа *ملوك* заменена словом *ملك* но буква *вав* отчетливо видна и поэтому первоначальная надпись также легко восстанавливается.

Слово *شمس* (солнце) перед сочетанием *الدنيا والدين* позже было подтерто, но при тщательном осмотре лакуны на этом месте можно заметить очертание слова *شمس* выписанного в несколько скорописной форме. Титулом *صاحب السيف والقلم* (обладатель меча и пера) владели крупные чиновники, которые ведали делами как военными, так и гражданскими¹⁵. В тексте рукописи такое сочетание встречается один раз в обращении к Шамс ад-дину:

¹³ А. А. Иванов, Бронзовый тазик середины XIV века. Сборник статей «Средняя Азия и Иран», Л., 1972, с. 118.

¹⁴ C. Rieu, Catalogue of the persian manuscripts of the British museum, London 1966, p. 604 a.

¹⁵ Пример употребления этого термина см. Абу-л-Фазл Байхаки, История Масуда (1030—1041), перевод, А. К. Арндса, М., 1969, с. 75.

[. . .] خداوند تیغ و قلم که بر آسمان برد علمش علم

... (владыка меча и пера,

Тот, что до небес прославлен своими знаниями. (л. 36)

На этом основании можно заключить, что рукопись с сочинением, посвященным Шамс ад-дину, принадлежала его же библиотеке.

На лл. 16 и 2а (рис. 2, 3) помещен двойной фронтиспис (сарлаух), за-

Рис. 5

ключающий в себе начало повествования, написанного в два столбца. Фронтиспис и оба картуша с эклибрисом выполнены золотом, темно-красной, голубой и зеленой красками в стиле арабо-месопотамской шко-

лы XII—XIII вв. В верхней и нижней части фронтисписа имеются надписи орнаментальным куфи, характерным для VI в. хиджры (XII—XIII вв. н. эры).

Рукопись поступила в Матенадаран из Государственной публичной библиотеки г. Еревана в 1956 году, до 1925 года рукопись находилась в Лазаревском институте восточных языков, о чем свидетельствуют неясные оттиски печатей этого института на лл. 1а и 254б. Там же сделана следующая запись на французском языке: № 1, *Chahname-i Firdoucy (livre royal de Firdoucy) mort en 421 de l'hegire qui fut charge de la composition de poème par la chah Mahmede le Gaznevide. Le sujet de ce celebre poème héroique est l'histoire des anciennes dynasties del' Iran.*

Подобная надпись, очевидно, была вызвана тем, что при беглом знакомстве с рукописью бросается в глаза сходство этого сочинения с «Шах-наме» Фирдоуси в связи с большим объемом обоих поэтических сочинений, а также аналогичность их поэтического метра и формы. Творение Фирдоуси оказало огромное влияние на дальнейшую персидскую литературу и выразилось в создании большого числа продолжений «Шах-наме» и других рифмованных хроник, сочинявшихся поэтами-панегиристами для прославления правителей и династий. Подражания «Шах-наме» схожи не только по стилю, но и по построению¹⁶. Разумеется, прочитав первые же листы, не трудно убедиться, что перед нами не «Шах-наме», хотя не уступающее ему по количеству бейтов сочинение (в нашей части рукописи, которая является только начальной частью сочинения содержится около 24 тысяч бейтов).

Размер рукописи: 23X18 см, строк—25, текст, кроме лл. 1б и 2а, писан в четыре столбца, которые отделены друг от друга двойными красными линиями, таким же линиями текст заключен в рамку, листов—254.

Бумага восточная плотная желтоватого цвета. Бумага, которой подклеены листы при реставрации, а также бумага листов, вклеенных в местах лакун и защитных (по пять листов с обеих сторон),—русская плотная фабричного производства с водяными знаками: Д. Я. 1840, почерк лл. 1б—4б (рис. 4)—каллиграфический насх с точками над буквами дал в личных глагольных окончаниях, характерный для X—XIV вв., писан черной тушью; почерк лл. 4б—249б (рис. 5)—также насх, но неумелый, явно переписанный другой рукой. Тушь этой части текста также плохого качества—коричневато-серого цвета. Заглавия выполнены киноварью и заключены в рамку из двойных красных линий, причем восемь первых заглавий написаны каллиграфическим сулсом, а остальные—той же рукой, что и текст от л. 4б по 249б.

Переплет русокий картонный, обтянут темно-коричневой кожей с золотым тиснением по краю, на лицевой стороне передней крышки пере-

¹⁶ К. Чайкин, *Фердоуси. Литература Ирана X—XV вв.*, Восток, сборник второй, М.—Л., 1935, с. 87; там же, *Абу-ль-Касим Зарре, Очерк истории Ирана*, с. 55—56; Е. Э. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы*, М., 1960, с. 237—238.

плета изображен тисненый самобытный дворянский герб, а на задней крышке—также тисненый золотом медальон восточного типа. Корешок кожаный.

Дефектность: в XIX в. рукопись очень небрежно реставрирована, срезаны а затем заклеены бумагой углы лл. 1—12, 186—249, в связи с чем соответствующая часть текста на этих листах не читаема. Во время той же реставрации обрезан фронтиспис на л. 1б, не хватает конечных листов, после лл. 78, 89, 103, 133, 145— лакуны. Взамен утерянных листов вшиты чистые листы бумаги без восстановления текста. Текст одной колонки на лл. 155—229 сильно попрочен сыростью и трудно читаем.

Исходя из данных палеографического характера, рукопись можно отнести к третьей четверти XIII в., что касается литературных достоинств сочинения, содержащегося в ней, то это тема специального исследования и выходит за рамки данного сообщения.

Ն. ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ

«ՀՈՒՄԱՅՈՒՆՆԱՄԵԻ» ՄԱՏԵՆԱԳԱՐԱՆՅԱՆ ԵԶԱԿԻ ՉԵՌԱԳԻՐԸ

(Ամփոփում)

Մաշտոցի անվան Մատենադարանի արարատառ հավաքածուի № 561 պարսկերեն ձեռագիրն իրենից ներկայացնում է «Հումայուննամե» (Արքայական գիրք) վերնագիրը կրող պատմական մի շափածո աշխատություն, գրված XIII դ. անհայտ բանաստեղծի կողմից: Այն նվիրված է իլխանական Իրանի նշանավոր պետական գործիչներ Շամս ադ-դին և Աթա-Մելիք Ջուվեյնի եղբայրներին: Ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, որ աշխատությունը գրվել է Ջուվեյնիների տոհմի ներքոդագրի կողմից 1268—1269 թթ. և, դատելով ձեռագրատիրոջ տիտղոսից, պատկանել է Շամս ադ-դինի գրադարանին: Ըստ բովանդակության ցանկի՝ այդ անանուն երկը ընդգրկել է Մուհամմեդի ծնունդից մինչև XIII դ. իրադարձությունները: Սակայն պահպանվել է միայն Մուհամմեդին նվիրված մասը: «Հումայուննամեն» գրված է ղուզահանգ տողերով (մասնավի) և մութաբարիբ շափով, որ հիշեցնում է Ֆիրդուսու «Շահնամեն»:

Մատենադարանյան եղակի ձեռագիրը՝ լինելով այդ երկի առաջիմ հայտնի միակ ընդօրինակությունը, որոշակի գիտական հետաքրքրություն է ներկայացնում և հարստացնում է մեր գիտելիքները պատմական տվյալ ժամանակաշրջանի պարսկալեզու գրականության վերաբերյալ:

N. K. GUEVORKIAN

LE MANUSCRIT "HOMAYOUN-NAMEH, DU MATENADARAN

(Résumé)

Le manuscrit persan no. 561 de la collection orientale du Maténadaran Machtotz est une oeuvre historique en vers, intitulée "Homayoun-Nâmeh," ("Livre des rois"), écrite au XIIIe siècle par un poète Inconnu. Il est consacré aux frères Chams ed-Din et Ata-Malik Djouveini, émim-nents ho

mes d'Etat de la Perse Ikhanide. Les recherches ont montré que l'ouvrage a été écrit par le panégyriste de la famille des Djouveini en 1268-1269 et, à en juger d'après le titre du propriétaire du manuscrit, il a appartenu à la bibliothèque de Chams ed-Din. D'après la table des matières, cette oeuvre anonyme relate les événements de la période commençant de la naissance de Mahomet jusqu'au XIIIe siècle. Cependant, seule la partie consacrée à Mahomet s'est conservée. Le "Homayoun-Nâmeh" est composé en distiques (masnavi) et dans la mesure "moutégharib", qui rappelle le "Chah-Nâmeh" de Ferdousi.

Ce manuscrit unique en son genre du Maténadaran, étant le seul exemplaire actuellement connu de cette oeuvre, présente une importance scientifique indiscutable et enrichit nos connaissances quant à la littérature persane de l'époque historique en question.